

ТЕАТР ЮНЫХ

ЮНАЯ, такая юная, что, кажется, таких Джульетт в театре и не бывало, удобно устроившись на ложе, с любопытством наблюдает она за матерью и кормилицей. Что нравится ей больше? Грызть яблоко или слушать рассказ на тему: «Джульетта — маленькая»? Скоро бал? — Хорошо! Она приглянулась графу Парису? — Тоже забавно. Весь мир полон радостных неожиданностей! Они ждут Джульетту за любимым гранатовым деревом, прячутся в складках нового платья и даже в кармане передника говоруньи-кормилицы!

«...я просыпаюсь утром, и, если день ясный, мне становится сразу ужасно весело!», — говорит горьковская Варенька Олесова. И такую же молодую, ничем еще не омраченную влюбленность в каждую минуту жизни испытывает и Джульетта — Л. Долгорукова в первых своих появлениях. («Ромео и Джульетта» в Московском тизе).

И вдруг... мне показалось, Долгорукова даже побледнела, ошеломленная силой внезапно наступившего ее чувства: «Моя любовь без дна, а доброта — как ширь морская» — Джульетта говорит это позднее, но родилась мысль уже при первом взгляде на Ромео, при первом прикосновении его руки...

Эта встреча сразу же возводится в степень события: первый поцелуй — обет вечной верности.

«Если он женат, пусть для венчанья саван мне кроют», — говорит Джульетта. До трагического конца еще далеко — целых четыре акта (по шекспировскому делению), но можно уже твердо сказать: графу Парису не быть мужем юной дочери Капулетти.

Неожиданным Ромео оказался Ю. Кротенко. И то, что он очень молод и не очень красив, эта внешняя его обыкновенность делает еще более значительной любовь, которую испытывает к нему Джульетта. Сам же он под действием своего чувства становится мудрее, мужественнее, по-человечески крупнее.

Но в жилах легендарных возлюбленных течет горячая, как солнце Италии, и красная, как сок граната, кровь... Целомудренность любви не умаляет ее силы, чистота не исключает темперамента. И Кротенко, и Долгорукова, пожалуй, пока еще не хватает именно того, что мы называем «плотью и кровью».

Я видела Долгорукову и в пьесе Л. Исаровой «Самая счастливая». Неужели невзрачную умненькую Надю, самоотверженно решающую задачки по математике для самолюбленного шалопая, и прелестную и мужественную Джульетту играла одна актриса? Но есть у этих девушек, которых разделяют века, нечто общее: чистота и бескомпромиссность чувств.

За чистоту взаимоотношений, гражданскую, человеческую принципиальность и борется в лучших своих постановках Московский театр юного зрителя.

Быть честным, не отступать перед трудностями — ведь именно к этому стремится герой пьесы «Иди и не бойся» Ю. Семенова. Никита и, добиваясь этого, обретает стойкость и мужество.

История Зои Лезгиной, доверие, искреннее чувство которой обмануты, оскорблены глупой и злой шуткой, недостойным розыгрышем, история эта предостерегает любителей развлечься за счет самолюбия и человеческого достоинства своих товарищей... С юности должны люди приучаться бережно относиться к дружбе, к любви... («Все это не так просто» Л. Исаровой). ...Учитель — это призвание. Учитель — профессия творческая. Художник создает картину. Композитор — музыку. Учитель — человека. Того, кто может стать и художником, и композитором, но, не став человеком, не станет никем. И не создаст ничего. Сухим, педантичным людям нет места в нашей школе — эта мысль, возможно, заинтересовала театр в пьесе Л. Исаровой «Самая счастливая». И задумываться на этом спектакле приходится не столько школьникам, сколько учителям: диплом института — это еще не путевка в сердце юного гражданина.

Жизнь большой семьи, простая и радостная, заставляет юного эгоиста Алешу («Что я отвечу?» Э. Шима) посмотреть в свою душу и обнаружить в ней себялюбие, трусость. Происшедшие за короткий срок события поставили перед самоуверенным юнком серьезные вопросы, на которые он должен уметь ответить. Должен. Иначе — не быть ему человеком, строителем коммунизма, гуманистом и созидателем. Помогать воспитанию такого человека для Театра юного зрителя — задача первостепенной важности. И нетрудно понять, почему мысли и проблемы, затронутые в этих пьесах, привлекли внимание театра.

Но давно известно, что самые нужные и значительные мысли, самые важные проблемы не ставятся драматургией только оттого, что их произносят со сцены разные люди. И если, например, стенограмму даже самого интересного и серьезного совещания прочтут «на голоса» крупнейшие актеры Художественного театра, стенограмма, увы, не станет от этого пьесой.

Наиболее сценичны, пожалуй, из вышеназванных пьес Л. Исаровой. Молодые же и одаренные прозаики Ю. Семенов и особенно Э. Шим, на мой взгляд, не научились еще в должной степени «мыслить образами в действии».

Повторяю, нетрудно понять, чем привлекли внимание театра пьесы, о которых идет речь. Труднее было сделать из них хорошие спектакли.

Но все вместе — актеры, режиссеры, художники — добились, что о недостатках пьес Шима, Исаровой, Семенова, столь очевидных при чтении, на спектаклях почти и не вспоминаешь. Можно проследить, как додумывают актеры и постановщик неясно выраженное

автором, как своей фантазией заполняют логические и эмоциональные провалы в диалогах и, главное, как берегут, как выкристаллизовывают то дорогое, за что пьеса пришла им по душе. Определив главную мысль спектакля, все участники держатся за нее, как за ариаднину нить. И там, где эта нить у драматурга рвется, связывают ее удачной мизансценой, интересным художническим приемом, и «узлов» почти не видно.

Режиссерский замысел в театре почти всегда талантливо поддержан художником. Поддержан, продолжен и развит (особенно в этом смысле удачно содружество главного режиссера театра Б. Голубовского и художника В. Талалая).

«Превосходное оформление спектаклей всегда дополняет действие».

«Декорации очень интересны, оригинальны...».

«Вообще во всех спектаклях декорации чудесные».

Даже эти лаконичные замечания юных зрителей говорят о том, что и сами ребята подходят к вопросам оформления спектакля с верных позиций и что тюзовские художники этим требованиям отвечают. В краснозлатолистных листиках березки, например (вот, кажется, подует ветерок и зашепчут они, зазвенят серебряным звоном, как в сказке), в этих листиках (художник В. Талалай), право же, больше поэзии, чем во всей пьесе «Что я отвечу?», хотя автор, наверное, искренне стремился опозитизировать жизнь хорошей, дружной семьи.

Отлично понимая, какая лежит на нем ответственность за идейное и эстетическое воспитание юных, театр, как огня, боится проявлений дурного вкуса. Но не может ли простота где-то обернуться примитивностью или, наоборот, холодноватым изыском? Актеры, научившись говорить очень естественно, «как в жизни», разумно избегая всякой сентиментальности и аффектации, сумеют ли эти актеры играть на высоком эмоциональном накале? После премьеры «Ромео и Джульетты» на этот вопрос можно ответить: да, сумеют.

Качество драматургии, как известно, важно не только для конечного результата театрального искусства — спектакля. Качество драматургии имеет огромное значение и для роста молодого актера. И в театре, где много одаренной молодежи (это и Л. Ахеджакова, о которой с полной ответственностью можно сказать: она умеет сделать себе роль, и В. Ношк, О. Андрианова, и многие другие), в таком театре об этом нельзя не думать.

Играть в пьесах, где по первому прочтению актеру все ясно,

а по второму он чувствует себя мудрее драматурга, где главная его, актера, работа — не глубже осмыслить, растолковать авторский замысел, а хоть сколько-нибудь обогатить сочинение, играть в таких пьесах мастеру скучно, а молодому актеру, пожалуй, и вредно: неистраженные драматургическим материалом воображение, эмоциональная память не подсказывают в этом случае новых решений, живых интонаций... И тут-то предлагает свои услуги господин Штамм, и, как ростовщик в мелодраме, берет за услуги большие проценты: постепенно актер теряет дар вдохновения, творческую фантазию, интерес к наблюдению жизни...

Долгорукова, я уже говорила, хорошо играет Надю Степняк («Самая счастливая»). Однако, чтобы убедительно заявить о своих возможностях, ей понадобился Шекспир. Это мог быть и Островский, Шиллер, Погодин или Маяковский, но обязательно — большой драматург.

Участники спектакля «Ромео и Джульетта» стали актерски богаче. Но театру необходима, просто необходима художественно значительная пьеса о наших днях, где действующие лица боролись бы за мир и коммунизм с такой же страстью, как шекспировские герои за свою любовь. Необходима пьеса, где характеры были бы выписаны психологически убедительно. Театру совершенно необходима пьеса открыто героическая, пьеса о подвиге сознательно самоотверженном. Это одинаково необходимо и молодым актерам, и юным зрителям, многим из которых «уже шестнадцать», а ученикам десятых, одиннадцатых классов и семнадцати, а то и все восемнадцать лет. И если в театре об этом забывают, зрители напоминают: «Мы уже комсомолы и получили паспорт — нас интересуют международное положение и искусство, любовь и вопросы классовой борьбы, нас интересует все — мы взрослые или, если хотите, почти взрослые люди». Это слова ученика выпускного класса, с которым мы разговорились на спектакле «Ромео и Джульетта». Этот юноша из одиннадцатого класса мог быть уже студентом техникума или даже первого курса вуза.

В репертуар коллектива наряды о пьесах для детей уверенно входят спектакли, интересующие юных, — и это большой успех театра.

Понимая, что из репертуара должно быть исключено все, что может вредно отразиться на становлении молодого характера, отбрасывая все болезненное, безнадёжно мрачное, все, что может помешать нормальному развитию юного человека, Мюз не боится показывать и суровые, и печальные события. Не в теплице и оранжерее, а в жизнь иди сегодняшним школьникам. И театр должен, правильно направляя их мысль, воспитывая их гражданское чувство, коммунистическое мировоззрение, эстетический вкус, содействовать тому, чтобы они были готовы к труду, к борьбе, к самостоятельности.

Н. РУМЯНЦЕВА.